

Марина
СЕРОВА

Клетка
для райской
птички

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Клетка для райской птички
Серия «Русский бестселлер»
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7384339

Марина Серова. Клетка для райской птички: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-72577-9

Аннотация

Частного детектива Татьяну Иванову нанимает Дмитрий Сомов: его недавно обретенную после долгих лет разлуки дочь Олесю нашли мертвой в местном музее. По подозрению в убийстве арестован сторож Воронков, обнаруженный в состоянии алкогольного опьянения возле тела девушки. По его словам, Олесю он ни разу в жизни даже не видел – ни до, ни после смерти... Ходят слухи, в последнее время у девушки появился виртуальный поклонник, о существовании которого близкие и друзья догадывались, но никто его не видел. Отец погибшей настоятельно просит Татьяну найти настоящего убийцу, причем обязательно раньше, чем это сделает полиция...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Марина Серова

Клетка для райской птички

Глава 1

– Теперь нажимаем «enter» – и готово. – Алексей, довольный, потянулся. – А сейчас в душ и спать. Посмотрим теперь, кто у нас крутой!

– Лешик, ты освободился? Завтрак почти готов! Поторопись, пожалуйста, а то я на работу опоздаю, – пропел мелодичный девичий голос из кухни.

«Опять я про нее забыл! Никак не могу привыкнуть, что теперь в квартире не один», – подумал Алексей, но вслух произносить не стал. Вместо этого он встал из-за компа и прошлепал босыми ногами до дверей кухни. Майечка, в свежей атласной сорочке, с забранными в хвост волосами, как всегда, колдовала над сковородкой. Запах по кухне распространялся нереальный. Для вечно голодного Алексея любая возможность вкусно поесть приравнивалась к вселенскому блаженству. Алексей не был избалован женским вниманием. Дело было вовсе не в том, что у него имелись какие-либо физические недостатки или внешность его имела отталкивающие черты. Скорее причину женского невнимания можно было отнести к патологической застенчивости Алексея.

И только такому жизнелюбивому, но недалекому существу, как Майечка, было абсолютно ничего не известно о человеческой застенчивости. Она попросту не замечала, когда чем-либо вводила человека в смущение. Именно по этой причине, а вероятнее всего по стечению целого ряда обстоятельств, Алексей и Майечка вот уже целых восемнадцать дней переживали, по определению Алексея, период «близких, но далеких отношений».

– Опять всю ночь просидел в своих виртуальных измерениях?

Майечка была бесподобна! Губки капризно поджаты, а в глазах изумрудные искорки, напрочь перечеркивающие любые мысли о недовольстве их обладательницы.

– Мои «виртуальные измерения», как ты их называешь, приносят вполне реальные доходы, – парировал Алексей. – И я в очередной раз прошу тебя не называть меня Лешиком. Мне это не нравится!

– Зато мне очень даже нравится! – смеясь, произнесла Майечка.

– Железная логика – истинно женская. – Алексей сгреб Майечку в охапку и усадил к себе на колени.

Майечка начала притворно вырываться, всем своим видом показывая недовольство, но изумрудные искорки по-прежнему говорили об обратном. «В наших отношениях уже появились свои ритуалы», – мельком подумал Алексей и понес Майечку в спальню.

Майским утром Карагодин вышел на крыльцо своего подъезда. Вовсю светило солнце. По старой привычке Петр Семенович приостановился, вдохнул весеннего воздуха, огляделся по сторонам и, дважды шаркнув правой ногой о ступеньку, не спеша побрел к автобусной остановке. Автомобили Карагодин игнорировал принципиально. Еще с советских времен у него осталось стойкое убеждение, что личный автотранспорт – только для бездельников, протирающих штаны в никому не нужных конторах. Себя Карагодин, естественно, к таким не относил. И хотя в настоящее время статус его существенно понизился, Петра Семеновича это ничуть не смущало. Да и почему, собственно, его должно было что-то смущать? Он по-прежнему оставался высококлассным специалистом в своей области. Именно по этой причине он и находился сейчас на пути к автобусной остановке.

Здесь было немногочленно. Прыщавый юнец в спортивной куртке, с потертым, явно пережившим свои лучшие годы рюкзаком, надетым на оба плеча, стоял, облокотившись на подпорку остановки. Две пожилые дамы, одетые довольно скромно, но с претензией на элегантность, обсуждали извечные проблемы неудовлетворительной работы транспорта. Да стройная, довольно симпатичная, молодая, но очень печаль-

ная женщина. На нее Петр Семенович обратил особое внимание. Было в ее лице что-то такое, что заставляло снова и снова возвращать к нему взгляд. Несмотря на теплую погоду, на женщине было надето светло-лимонное драповое пальто с контрастными вставками черного цвета. Ворот пальто был застегнут наглухо. Из-под ворота выглядывал веселый разноцветный шелковый шарфик. Завершали ансамбль черные лаковые полуботинки на шпильках и такого же цвета сумочка. В руках женщина держала увесистый пакет. По всей видимости, держать пакет было не совсем удобно, так как женщина прижимала его двумя руками к груди. Время от времени пакет съезжал под своим весом, и женщина перехватывала его повыше, боясь выронить.

Наконец автобус подошел, и дамы засуетились, стараясь угадать, где окажутся открытые двери, чтобы оказаться возле них непременно первыми. Первым оказался прыщавый юнец, и дамы, шумно выражая свое недовольство воспитанием современной молодежи, погрузились в автобус следом за юнцом. В какой-то момент Карагодину показалось, что молодая печальная женщина двинется вслед за дамами, и он даже решил пропустить ее вперед, но, поколебавшись, женщина никуда не пошла, а Петру Семеновичу пришлось сесть в автобус вслед за дамами. Двери закрылись, автобус тронулся, а молодая печальная женщина так и осталась стоять, чуть подавшись по направлению к транспорту.

Еще какое-то время Карагодин провожал глазами одино-

кую фигуру, стоящую на остановке, затем прошел в конец автобуса и занял свободное место. Путь предстоял неблизкий. Петр Семенович смотрел в окно и наслаждался видом весеннего пробуждения природы, звонким щебетанием птиц, веселой переключкой трамвайных звонков. Настроение было – лучше не придумаешь!

Зазвонил телефон. Петр Семенович вздохнул, сожалея о том, что внезапный звонок так бестактно спугнул его сентиментальное настроение. Конечно, это была Майечка! Майечка, молоденькая, не в меру общительная девушка, была стихийным бедствием, обрушившимся три месяца назад на степенное заведение, в котором трудился Карагодин. По необъяснимой причине Майечка тут же решила, что каждый член их небольшого коллектива автоматически становится ее лучшим другом, а она, Майечка, назначается ответственной за доведение любой мало-мальски свежей информации до каждого члена коллектива в самые кратчайшие сроки. Каким образом Майечка обзавелась телефонами всех своих новых коллег, для Петра Семеновича оставалось тайной, но к утру следующего рабочего дня Майечка успела обзвонить добрую половину коллектива. Карагодин обреченно поднес трубку к уху, в его уши полилось жизнерадостное щебетание.

– Петр Семенович, вы где? Каталоги новых экспонатов все еще не пришли. Зоя Александровна телефон оборвала, да все без толку. А Алик опять проспал... В Южном зале ремонтники лепнину поуродовали, не знаю даже, можно ли ее

восстановить будет... Шляпин грозитя гастарбайтеров нанять, если бюджет в ближайшие дни денег не выделит. А те тогда такого тут натворят!!! Зоя Александровна со Шляпным даже...

– Майечка, все – через полчаса, – не дав договорить девушке, произнес Карагодин и отключился.

Когда у капитана Скворцова, молодого тридцатипятилетнего холостяка, выдавалось свободное время, всем доступным развлечениям он предпочитал шахматы. Единственная, по его мнению, интеллектуальная игра, которая дает возможность одновременно справиться с мозговым напряжением трудовых будней и тренировать мыслительные способности. При удачном стечении обстоятельств капитан посещал местный шахматный клуб, в котором всегда можно было найти более или менее приличного партнера для игры. Если же такой возможности не было, то ему приходилось довольствоваться собой в качестве противника по шахматной партии.

Вчерашний вечер можно было считать фантастически удачным. Мало того что освободился Скворцов на удивление рано, аж в семь часов вечера, так еще в шахматном клубе его партнером по игре оказался небезызвестный в шахматных кругах Шеферов. И в довершение всего Скворцову

удалось свести партию с Шеферовым вничью. Вот это удача так удача. Ему, Скворцову, аплодировал Сам Шеферов!

Но все хорошее, как известно, быстро кончается. Уж кто-кто, а капитан Скворцов знает это не понаслышке! И как бы в подтверждение этому знанию, не успел начаться новый день, а неприятные новости и события уже посыпались на голову капитана.

Ровно в шесть часов утра, когда он досматривал самый красочный из всех ночных снов, его мобильный заиграл «Похоронный марш». Это означало, что Скворцова срочно возжелало видеть начальство. А уж если начальство не дожидается твоего прихода на рабочее место, то, значит, дела совсем плохи, естественно для тебя!

– Капитан Скворцов на проводе! – сказал он в трубку. – Да. Где? Когда? Кто выехал на место? Понял, еду!

Когда Скворцов прибыл на место, там уже «вовсю кипела работа», как выразился его начальник по телефону. В полупустом, пахнущем побелкой и масляной краской помещении находились всего три человека: эксперт-криминалист Лев Михайлович Брюгер, пожилой, лысоватый, склонный к полноте поволжский немец, специалист высокого класса в своем деле; участковый уполномоченный – Артемка Михеев – лентяй, выпивоха, бездельник, но, по необъяснимым причи-

нам, баловень судьбы и любимчик начальства; да мужчина неопределенного возраста, худощавый, с легкой сединой в волосах и запоминающимся пронизательным взглядом. Его Скворцов не знал и вполне резонно предположил, что тот – служащий музея, вероятнее всего, руководитель среднего звена, которого, так же как и Скворцова, в срочном порядке вызвали на место происшествия. Мельком поздоровавшись с коллегами, Скворцов обратился к незнакомцу:

– Следователь Скворцов. С кем имею честь...

– Карагодин Петр Семенович. Местный сторож.

– Сторож?! – Глаза Скворцова полезли на лоб.

Предположить, что мужчина настолько представительного вида может быть сторожем музея, Скворцов просто не мог! Однако жизнь иногда преподносит нам неожиданные сюрпризы.

– Совершенно верно!

– Любопытно... И что же, в музее все сторожа такие?

– Если я вас правильно понял, не все, – заулыбался Карагодин, – нас здесь всего четыре сторожа. Работаем в паре. Когда выпадает будний день – работаем только ночью, а если выпадают выходные, то остаемся в музее целые сутки. Но всегда – по двое. Конечно, по штату положено иметь три пары сторожей, но тогда зарплата совсем уж мизерная выходит. Вот и приходится администрации идти на компромисс.

– Понятно, – промычал Скворцов. – Скажите, в эту ночь было ваше дежурство?

– Совершенно верно. В эту ночь по графику должны были дежурить я и мой напарник, Никодим Трофимович, очень, кстати, уважаемый человек, в прошлом – мастер спорта по боксу!

– Насколько я понимаю, слова «должны были дежурить» предполагают некие изменения в графике? – Скворцов вопросительно поднял брови.

– Понимаете, – нерешительно начал Петр Семенович, – конечно, при иных обстоятельствах в наших действиях не было бы никакого криминала. Ну поменялись сторожа сменами по семейным обстоятельствам – дело житейское... Но, учитывая недавние события, невольно начинаешь отыскивать скрытые мотивы тех или иных поступков, каждому слову, произнесенному накануне преступления, придаешь двойкий смысл.

– Да? – Скворцов был явно заинтересован. – У меня к вам просьба – расскажите-ка поподробнее о событиях сегодняшней ночи, а также обо всех словах, просьбах и неожиданных происшествиях, предшествовавших ночному инциденту. Только, пожалуйста, ограничьтесь фактами!

– Постараюсь! – не без сарказма ответил Карагодин. – Голые факты так голые факты!

Скворцов поморщился, но был вынужден ответить:

– Прошу вас, Петр Семенович, не лезьте в бутылку! Если бы вы знали, сколько всякой шелухи нам, операм, приходится выслушивать за день, вы бы, вместо того чтобы оби-

жаться, посочувствовали мне! А факты, к вашему сведению, услышанные без комментариев свидетелей, – это пятьдесят процентов успеха в раскрытии дела!

– А как же везение? – улыбнувшись, поинтересовался Петр Семенович.

– Везение – это, конечно, здорово, но только если это везение подкреплено фактами! – И Скворцов тоже заулыбался.

– Ну что ж, думаю, мы поняли друг друга. Я могу приступить к описанию событий? – Скворцов коротко кивнул, и Карагодин начал свой рассказ.

Двенадцатого мая Петр Семенович приехал в Центральный исторический музей мировых искусств, в котором трудился вот уже почти пятьдесят лет, сначала консультантом по истории Древней Италии и Древнего Рима, потом внештатным сотрудником запасников музея и, наконец, штатным охранником восточного и западного крыла музея. Приехал он по предварительной договоренности с ведущим специалистом музея в области итальянского искусства Зоей Александровной Терех. Вопрос заключался в том, что на имя Зои Александровны поступило предложение приобрести для итальянской композиции порядка десяти экспонатов известных итальянских мастеров по совершенно бросовой цене. Адресат объяснял низкую стоимость экспонатов же-

ланием состоятельного мецената пополнить коллекцию итальянского искусства данного музея исключительно в память о счастливых детских годах, напрямую связанных с музеем.

Зоя Александровна, женщина достаточно трезвомыслящая во всех житейских обстоятельствах, когда дело касалось музейных экспозиций и исторических ценностей, оказывалась человеком крайне импульсивным и даже одержимым. Естественно, она сразу же зацепилась за это предложение, но так как решение финансовых вопросов лежало вне ее компетенции, ей необходимо было заручиться поддержкой со стороны независимого эксперта в области искусства Древней Италии. Петр Семенович был приглашен в музей именно в этом качестве независимого эксперта. Во-первых, потому, что действительно являлся экспертом в данной области, а во-вторых, потому, что имел непререкаемый авторитет в глазах генерального директора музея, в ведении которого находились все финансовые вопросы.

Карагодин приехал в музей в точно назначенный срок, в десять тридцать утра, но оказалось, что Зоя Александровна все еще не получила обещанного каталога экспонатов, предложенных музеем для покупки. Меценат, с которым Зоя Александровна до настоящего времени общалась только по электронной почте, на связь не выходил, хотя она трижды проверила точность номера телефона, указанного в последнем письме. На ее письма ответа также не было. Это казалось очень странным, ведь инициатива исходила исключительно

от предлагающей стороны. Прождав до половины третьего, Петр Семенович вынужден был отправиться домой, так как в ночь с двенадцатого на тринадцатое мая ему предстояло заступать на дежурство, а перед дежурством следовало хоть немного поспать. В музее все знали, насколько серьезно Карагодин относится к работе охранника. Так или иначе, но на дежурство Петр Семенович приехал невыспавшийся, а от этого раздраженный. Еще больше раздражения ему добавило сообщение, что сегодня ему предстоит дежурить не со своим постоянным напарником, Никодимом Трофимовичем Лисченко, а с охранником сменной бригады Мишкой Шнягой. Фамилия у Мишки, естественно, была другая, но в музее его звали только так. Карагодин даже не сразу вспомнил его настоящую фамилию, настолько прижилось Мишкино прозвище в кругу музейных работников. По своей сути Мишка был вполне безбидным, даже отзывчивым и симпатичным парнем, но вся беда заключалась в том, что он был запойным. Причем никто, даже сам Мишка, не мог определить, когда и по какой причине у него начнется запой. Он мог месяцами работать, не вызывая нареканий со стороны начальства, а то вдруг ни с того ни с сего не выйти на работу, даже не предупредив напарника. В таких случаях его всегда заменял Петр Семенович. Обычно Мишке хватало недели на то, чтобы, по его собственному выражению, отпиться. После очередного запоя Мишка возвращался в музей поникший, слезно просил прощения у директора музея, обещал, что такого

больше не повторяется, и с удвоенным усердием приступал к выполнению своих обязанностей. Директор обычно шумел, грозился «уволить Мишку к едрене фене», но в итоге всегда давал парню последний шанс.

На этот раз Мишка пришел трезвый как стеклышко, веселый и разговорчивый. На вопрос Петра Семеновича о причине замены объяснил, что у Никодима Трофимовича внезапно образовались какие-то срочные семейные обстоятельства и буквально за полчаса до начала дежурства тот позвонил Мишке и попросил выйти вместо него.

Удовлетворившись объяснением, Петр Семенович отправился на обход вверенного ему участка, а Мишка остался в комнате охраны. Во время обхода Карагодин не обнаружил ничего подозрительного, а вернувшись в комнату охраны, застал там Мишку, болтающего по сотовому телефону. В этом тоже не было ничего противоречащего правилам. Еще какое-то время они вместе с Мишкой смотрели телевизор, затем поболтали на отвлеченные темы, и наконец Карагодин уединился в большом холле. Дело в том, что время своего дежурства Карагодин совмещал с написанием рецензионных статей по истории искусства Древней Италии и Древнего Рима. Не то чтобы статьи как-то уж существенно отражались на его материальном положении, но они помогали пожилому человеку вновь почувствовать себя значимым в мире искусства. Обычно Карагодин занимался написанием статьи, сидя перед экранами камер слежения и пультом сигнализа-

ции музея, но, зная о болтливости нового напарника, в этот раз пренебрег мерами безопасности, рассчитывая на то, что Мишка в случае чего сразу обратится к нему.

По правилам музея охранники должны были делать полный обход помещений несколько раз за дежурство: в начале смены, в час ночи, в пять часов утра и в восемь, когда на смену сторожам приходил дежурный смотритель. В час ночи осмотр помещений прошел, как обычно. Мишка Шняга быстренько пробежал по всем залам и вернулся в комнату охраны. Петр Семенович обошел вверенные ему помещения и тоже вернулся к прерванному занятию.

В пять утра на телефоне Петра Семеновича сработал сигнал будильника. Пришло время провести плановый обход помещений. Прежде чем отправиться на обход, Карагодин заглянул в комнату охраны. Мишки там не было, на экранах ничего подозрительного не наблюдалось, все кнопки сигнализации работали исправно. Карагодин решил, что Мишка тоже отправился на плановый обход, и, не дожидаясь напарника, пошел проверять объект.

Обойдя восточное и западное крыло музея, Петр Семенович, повинувшись внутреннему порыву, заглянул в комнаты северного крыла. На первый взгляд здесь ничего особенного не наблюдалось, но Петр Семенович все же продолжил обход. И вот, когда он, обойдя все шесть залов, решил уже вернуться в большой холл, его внимание привлек слабый свет в проеме двери, ведущей в подсобное помещение, предназначен-

ное для хранения уборочного инвентаря северного крыла. «Ох уж эти мне технички!» Вздохнув про себя, Петр Семенович направился в подсобное помещение, полагая, что кто-то из работников попросту оставил свет включенным. Открыв дверь, Карагодин тут же открыл и рот! В центре небольшого помещения, в окружении ведер, швабр и тряпок, прямо на полу лежал Мишка и пьяно сопел!

– Вот так поворот! – вслух произнес Карагодин. – Когда же ты успел так нализаться?

Странно, раньше Мишка никогда не начинал пить на работе, только дома и только в выходной день, а тут вдруг напился так, что уснул, спрятавшись в подсобке. Оглядевшись, Петр Семенович отметил про себя, что в комнате нет ни бутылок, ни стаканов, ни остатков закуски. В помещении вообще не было никаких следов, указывающих на то, что недавно здесь происходили бурные возлияния. Но ведь где-то Мишка должен был пить, раз дошел до такого состояния? Петр Семенович попытался разбудить горе-охранника, но Мишка никаких признаков активности не подавал. Лежал на полу и храпел пьяным храпом. Добудиться Мишку Карагодину не удавалось. Промучившись добрых полчаса, Петр Семенович сдался. «Ладно, проспится – сам расскажет», – решил Карагодин.

Петр Семенович вернулся в комнату охраны. Там он все тщательно осмотрел, но следов принятия спиртного в этой комнате также не наблюдалось. Тогда Карагодин обошел все

помещения северного крыла музея, пытаясь отыскать хотя бы бутылки, которые должны были непременно остаться. Нигде никаких следов. Не осмотренным осталось только южное крыло, в котором вот уже два месяца шли ремонтные работы и все экспонаты из залов южного крыла были отправлены в запасники музея. Петр Семенович направился туда в надежде найти ответ на волнующий вопрос. И нашел! Только не то, что искал.

В первом зале было пусто. Тут ремонтные работы были уже закончены. Карагодин, не задерживаясь, прошел в следующий зал. Прямо с порога он увидел цепочку меловых следов, ведущих к дальней стене помещения. В этой части зала были свалены в кучу строительные материалы, стояли леса, а за ними бесформенной грудой возвышался полиэтилен, который строители использовали как укрывной материал при проведении малярных работ. Дело в том, что пол в этом помещении сам по себе являлся произведением искусства и его необходимо было уберечь от краски и побелки. Карагодин дошел до лесов, обогнул груды полиэтилена и застыл на месте, потрясенный открывшейся картиной.

Из груды полиэтилена, отдельно лежащей на полу, выглядывала пара женских ног, обутых в черные лаковые полуботинки на высоком каблуке. С первого же взгляда было件нятно, что обладательница ног уже никогда не сможет самостоятельно подняться и пройти хоть пару шагов. Карагодин перевел взгляд на стоящие в отдалении ведра из-под краски.

На крышке одного ведра была аккуратно расстелена газета, а на ней высилась пустая бутылка, два стакана и остатки закуски. На соседнем ведре, которое, по всей видимости, использовалось в качестве стула, лежала дамская сумочка. Недалеко от импровизированного стола валялся Мишкин телефон. Карагодин сразу узнал его. Телефон у Мишки был приметный, ядовито-зеленого цвета.

Для того чтобы оценить ситуацию, Карагодину потребовались считанные секунды. Не задерживаясь больше ни на мгновение, Петр Семенович помчался в комнату охраны и вызвал полицию.

К тому моменту как Карагодин закончил свое повествование, веселья у Скворцова поубавилось. Тяжело вздохнув, он обратился к своему коллеге, участковому Артемке Михеу, который слонялся без дела по залу:

– Где сейчас этот чудо-охранник? В твое отделение доставили?

Артемка встрепенулся, удивленно посмотрел по сторонам, будто ища того, к кому мог обращаться следователь. Поняв, что вопрос адресован ему, перевел взгляд на Скворцова и выдал:

– Воронков, что ли? В подсобке дрыхнет.

– Это что еще за новость! – растягивая слова, заорал

Скворцов. – Ты что, сучий потрох, правил не знаешь? Какая подсобка? Тебе убийца на блюде предоставлен, а ты его за просто в подсобке бросил?

– Чего ругаетесь-то, – невозмутимо ответил Артемка. – У Ардана «бобик» еще третьего дня сдох, а бабла на ремонт хозчасть выделять не торопится. Мне что ж, на руках его до ментовки чалить?

– Надо будет – на закорках попрешь! – Скворцов аж подпрыгнул от возмущения. – И жаргон свой блатной для босяков побереги, пользы больше будет. И как тебя, Михеев, до сих пор из органов не поперли?

– Сам удивляюсь, – беззлобно оскалился Артемка.

– Вы к Воронкову хоть охрану приставили? – успокаиваясь, спросил Скворцов.

– Кого приставлять-то? Нас здесь всего двое. Да вы не переживайте, никуда он из подсобки не денется. Он же в дрова упился. Я его полчаса за грудки тряс – все без толку. Ни единого намека на просветление сознания. Теперь часов до трех не очухается. Поверьте моему опыту.

Скворцов, наслышанный про «опыт» Артемки в делах невоздержанных возлияний, возражать не стал.

– Мог бы сам около Воронкова остаться. Хоть какая польза была бы. А то мотыляешься здесь без дела, работать мешаешь.

Ухмыльнувшись, Артемка промолчал.

– Ну, веди уж, показывай героя, – потребовал Скворцов, а

Карагодину сказал: – Петр Семенович, вы можете быть свободны. Отправляйтесь домой и попытайтесь отдохнуть.

– Если вы не против, товарищ следователь, я бы предпочел приезда Ивана Андреевича дожидаться, – попросил Карагодин.

– Иван Андреевич это кто? – уточнил Скворцов.

Вопрос был обращен к участковому, но ответил Карагодин:

– Это директор музея. Господин Михеев сообщил ему о происшествии, и он с минуты на минуту должен быть здесь.

– Хорошо. Оставайтесь, – позволил Скворцов и, подтолкнув Михеева к выходу, направился знакомиться с подозреваемым.

Пройдя по коридору до «лежбища» сторожа Воронкова, Скворцов предпринял попытку привести забулдыгу в чувство. Он тряс Воронкова за плечо и одновременно громко зывал:

– Воронков! Очнитесь! Да вставайте же наконец!

Тот пьяно храпел и на уговоры не реагировал. Тогда Скворцов перешел к более кардинальным мерам. Он хлопал Воронкова по щекам, тер уши, поднимал в вертикальное положение. Карагодину, следовавшему за оперативниками, эта картина напоминала кадры из популярного некогда фильма под названием «Бриллиантовая рука». Так жена Семена Семеныча пыталась вернуть его к жизни. Его так и подмывало предложить Скворцову воспользоваться механиче-

ским будильником советских времен. Помнится, в фильме именно этот способ оказался действенным.

Отчаявшись, Скворцов зажал нос и рот Воронкова в надежде, что нехватка кислорода заставит сторожа прийти в себя.

– Боюсь, этот способ приведет лишь к тому, что в музее появится еще один труп, – осторожно высказал свое мнение Карагодин.

Скворцов, зло посмотрев на сторожа, бросил свою жертву и накинулся на Михеева:

– Долго столбом стоять будешь? Машину вызывай. Пора грузить этого...

Скворцов хотел нецензурно выразиться в адрес подозреваемого, но, наткнувшись на осуждающий взгляд Карагодина, сдержался. Махнув рукой, он вернулся в южное крыло. Там уже находился директор музея, Иван Андреевич Шляпин. Скворцов обрадовался возможности переключиться с неудачной попытки привести в чувство сторожа на опрос адекватного свидетеля и тут же рванулся к нему.

– Следователь Скворцов, – привычно представился он. – Вам необходимо ответить на несколько вопросов.

– Да, да! Я понимаю, – заговорил директор, и у Скворцова тут же пропало желание общаться с ним.

От директора несло, как от пивной бочки. Внешне, правда, нельзя было сказать, что Иван Андреевич находится в состоянии алкогольного опьянения, но то, что накануне дирек-

тор был серьезно занят проблемой ликвидации стратегического запаса спиртного нашей Родины, Скворцов понял сразу.

– У вас в учреждении дресс-код такой, что ли? – кивнув в сторону директора, обратился Скворцов с вопросом к Карагодину.

Тот тактично промолчал. Махнув рукой, Скворцов отправился добывать машину для перевозки подозреваемого.

Глава 2

Чудесная вещь – весеннее настроение! Природа оживает, птицы поют, солнечные лучики щедро раздают свое тепло направо и налево. В глазах прохожих читается неистребимое желание ярких впечатлений. Девушки надевают юбки покороче, каблук повыше. Их кокетливые ободряющие взгляды способны вселить уверенность в своей неотразимости даже в самых робких представителей мужского пола. А мужчины в эти дни готовы на самые невероятные безумства ради возможности окунуться в водоворот весеннего наводнения чувств. Даже истошные крики бездомных котов, пытающихся с упорством мамонта обрести наконец свое мужское счастье, звучат в эти дни, как музыка.

Не миновала всеобщая эйфория и меня. Еще два дня назад я ломала голову над невероятно запутанной историей похищения фамильных драгоценностей и ничего вокруг не замечала. Сейчас же, когда дело было благополучно завершено, я получила возможность ощутить влияние весенних флюидов, в изобилии витающих в воздухе. Сегодня мне не хотелось думать ни о чем серьезном. Хотелось петь и танцевать. Хотелось ощущать себя любимой и желанной. Хотелось совершать безрассудные поступки. Такие, за которые потом приходится краснеть. А почему бы и нет? Я молода, красива, свободна! Глупо тратить такой прекрасный день на просмотр

телепередач или на болтовню с соседкой. В такой день нужно блистать! Решено. Необходимо срочно явить миру бессмертную красоту Татьяны Ивановой! Устрою себе выход в свет.

Для осуществления задуманного в первую очередь необходимо выбрать соответствующий гардероб. Этим я и занялась. Вывалила из шкафа все свои наряды и стала подбирать ансамбль, который лучше всего подойдет к моему настроению. Все белое и черное я отмела сразу. Совершать безумства лучше в более ярком оперении. Брючные костюмы для этой цели тоже не подойдут. Нужно что-то красочное и обязательно короткое! Юбки с блузками тоже отпадают. Остаются платья. Так, что же мы имеем? Перебирая наряды, я отбраковывала одну вещь за другой, пока моему взору не предстал шерстяной клетчатый плед, сиротливо покрывающий пустой диван. Вот так поворотик! В моем гардеробе не нашлось ни одной вещи, соответствующей нынешнему настроению. Нужно срочно исправлять положение. Придется пополнить гардероб. А что? Это тоже занятие увлекательное. Прямо сейчас и отправлюсь!

Я побросала вещи обратно в шкаф, натянула джинсы и изумрудную водолазку, подчеркивающую цвет моих глаз. Сверху набросила жакет. Пару раз махнула щеткой по волосам. Хотела соорудить красивый узел на затылке, но, представив, как приятно будет развеять мои локоны весенний ветерок, тряхнула головой и оставила волосы распущенными. Сунула ноги в модные в этом сезоне лакированные боти-

льоны на высоченном каблуке, прекрасно гармонирующие с жакетом. Прихватив приличную сумму, отправилась на поиски вечернего платья.

Выйдя во двор, решила прогуляться пешком. Жалко было в такую погоду замуровывать себя в салоне автомобиля. Тем более до ближайших бутиков, в которых можно было приобрести вполне приличную одежду, рукой подать. Неспешным шагом я направилась в сторону своего любимого магазинчика эксклюзивной одежды «Judge esthete».

Не успела я пройти и двадцати шагов, как рядом со мной резко затормозил черный «Лексус» представительского класса. Полагая, что хозяин иномарки желает проконсультироваться по поводу выбора правильного направления своего движения, я остановилась и, повернувшись в сторону автомобиля, лучезарно улыбнулась. Дверь иномарки со стороны пассажирского сиденья медленно открылась, и передо мной предстал мужчина средних лет. Одет он был по последней моде, явно не из магазина готовой одежды. На лице пассажира улыбки не было и в помине. Под его тяжелым взглядом моя улыбка угасла сама собой. Я было вознамерилась возобновить движение, но у мужчины на этот счет оказались свои планы. Преградив мне дорогу, он оценивающим взглядом осматривал меня с головы до ног и молчал. Я решила, что нахал заслуживает того же, и ответила ему нарочито презрительным взглядом. По глазам нахала я поняла, что по какой-то причине он остался доволен обменом взглядами.

– Осмотр окончен? Я могу идти? – подала я голос.

– Татьяна Иванова? – задал он вопрос вместо ответа.

Я удивленно воззрилась на незнакомца.

– Не думала, что моя скромная персона пользуется такой широкой популярностью у обывателей, – проговорила я.

– А вы остры на язык, – сказал незнакомец, слегка улыбувшись при этом.

– Что вы! Я и не думала острить, – округлив глаза в притворном ужасе, ответствовала я ему, – на самом деле я весьма застенчивая особа.

– Настолько застенчивы, что откажетесь от делового обеда в ресторане?

– Боюсь вас шокировать, – продолжая язвить, произнесла я, – но в нашем городе не принято обедать в десять часов утра. Мы по старинке предпочитаем дожидаться как минимум двенадцати.

– Если других возражений нет, предлагаю заменить обед завтраком.

С этими словами мужчина решительно взял меня за локоть и потянул в сторону открытой дверцы машины. Посчитав, что шутка зашла слишком далеко, я резко освободила свой локоть от руки незнакомца.

– Думаю, вам лучше поискать спутницу в другом месте. Всего хорошего.

Я снова вознамерилась отправиться по своим делам, но опять потерпела фиаско. Мужчина повторно преградил мне

дорогу.

– Татьяна, у меня к вам деловое предложение, – сказал он, выделив ключевое, по его мнению, слово «деловое».

Я почему-то разозлилась. То ли оттого, что мне не понравились его диктаторские манеры, то ли потому, что поняла, что моим радужным планам на вечер не суждено сбыться. Весеннее настроение улетучилось, как будто его и не было. Видимо, поэтому ответила я резко.

– В данный момент никакие деловые предложения меня не интересуют. – Подражая незнакомцу, я выделила слово «никакие».

После моей тирады лицо незнакомца вмиг утратило всю свою властность. Передо мной стоял смертельно усталый человек. Мне сразу стало стыдно за свой резкий тон. Вероятно, у этого человека серьезные проблемы, а я даже не удосужилась поинтересоваться характером предложения.

– В двух словах, в чем суть ваших проблем? – смягчив тон, спросила я.

– Я хочу найти убийцу своей дочери, – просто ответил незнакомец и добавил, слегка помедлив: – Проблемой это не назовешь, не так ли?

Я слегка кивнула и молча села в машину, тут же забыв о своем намерении посвятить вечер исключительно развлечениям и безделью.

Мужчина занял место рядом с водителем, и мы, тронувшись, покатали в неизвестном направлении.

Ехали молча. Видно было, что мой спутник не расположен обсуждать столь личную тему в присутствии водителя. Для меня же ожидание было вполне привычным занятием. Я откинулась на спинку сиденья и, пользуясь представившейся возможностью, решила более пристально присмотреться к незнакомцу. На вид ему можно было дать лет пятьдесят с хвостиком, но, скорее всего, истинный возраст мужчины был за шестьдесят. Молодили его дорогой прикид и соответствующий уход. Едва заметный выговор с «оканьем» и слишком быстрая речь выдавали в нем приезжего. Про финансовую сторону даже говорить незачем. Мужик уж точно не из бедных. Наличие или отсутствие жены у таких на глазок не определишь. Так же как удачный или неудачный брак. С такими деньгами за внешним видом прислуга следит. А полноценное питание данные индивидуумы получают в элитном общепите. А вот по каким таким волшебным каналам он о моем существовании узнал, выяснить не помешает. Наверняка у него целое досье на меня имеется. С пачкой фото в профиль и анфас. Вон как легко он меня на улице вычислил. Радоваться этому обстоятельству или огорчаться, покажет жизнь.

Пока я так рассуждала, машина подъехала к небольшому, но довольно дорогому по тарасовским меркам ресторану. Водитель затормозил и поспешил открыть дверь перед боссом. Тот в свою очередь проявил галантность по отношению к даме, чем приятно порадовал меня. Всегда лучше иметь

дело с клиентом, воспитанным в старых добрых традициях, привыкшим проявлять уважение к женщине. Даже малоизвестной. Даже если ты всего-навсего собираешься нанять ее на работу.

Подойдя к дверям ресторана, предусмотрительно распахнутым перед нами все тем же водителем, мужчина, пропустив меня вперед, уверенно прошел в сторону изолированных кабинетов, из чего я сделала вывод, что место встречи было запланировано им заранее. Заняв место за столом в уютном кабинете, я осмотрелась, привычно ища глазами папку с меню. Ни на столе, ни на мягких диванах, предназначенных заменить стулья для посетителей, меню не обнаружилось. Опредив мой вопрос, мужчина сообщил мне, что заказ уже сделан и через несколько минут нам подадут еду. Я промолчала. Сделан так сделан. В конце концов, я же сюда не ради еды пришла, хотя перекусить не мешало бы.

– Для начала не мешает познакомиться, – произнес мой спутник. – Дмитрий Павлович Сомов. Вам представляться нет необходимости. Прежде чем принять решение обратиться к вам, я, по понятным причинам, навел все необходимые справки и теперь знаю о вас едва ли не больше, чем вы сами.

Ни проблеска улыбки. Видимо, его слова – это не шутка, а простая констатация факта. Что ж, приму как должное. При моей профессии не стоит удивляться тому, что клиент заранее интересуется обстоятельствами жизни того, кому собирается доверить сокровенные тайны своей жизни.

– Могу я поинтересоваться, из каких источников вы получили информацию обо мне? – задала я вопрос.

– Поинтересоваться можете. Получить ответ – едва ли. Да это и не столь важно. Гораздо важнее выяснить, хватит ли вашего опыта для успешного решения моего вопроса.

– Другими словами, вы хотите знать, считаю ли я себя достаточно компетентной в профессиональном плане? – Как всегда, недоверие клиента к моим профессиональным способностям задело меня. – Так вот! Могу с уверенностью сказать еще до того, как вы озвучите детали дела, которое собираетесь мне поручить: я нисколько не сомневаюсь в своих способностях! Именно поэтому я и занимаюсь частным сыском. И если досье, которое вам предоставили на меня, отражает хотя бы треть моих успехов на поприще раскрытия преступлений и разного рода запутанных ситуаций, то вы должны понимать, что такого рода вопрос абсолютно лишний! А вот вопрос, заинтересуюсь ли я вашим делом, должен волновать вас гораздо больше, чем вы предполагаете. И еще один момент. Не нужно забывать, что это вы обратились ко мне за помощью, а не я пришла просить вас дать мне позволение заняться вашими заботами!

Я замолчала, уверенная в том, что Сомов сейчас встанет и уйдет, не прощаясь. Однако он сидел не двигаясь. И, казалось, никак не отреагировал на мою тираду. На мое счастье, именно в этот момент в кабинет вошел официант, неся в руках поднос, обильно заставленный тарелками и чашками. По

мере того как тарелки переключивали с подноса на стол, мое удивление росло. Заказ был сделан с учетом всех моих вкусовых пристрастий. Завершением гастрономического изобилия был большой кофейник, от которого исходил одуряюще приятный запах свежесваренного кофе. Я подняла глаза на Сомова. Он смотрел на меня с довольной ухмылкой.

– Да. Темперамент, – произнес он, утрированно растягивая гласные. – Теперь я полностью уверен, что не ошибся в выборе.

«Ничего себе проверочки, – подумала я про себя. – С этим типом нужно держать ухо востро. Неизвестно, что он придумает в следующий раз».

А Сомов, довольный моей реакцией, продолжил:

– Раз уж мы выяснили самый главный момент, предлагаю сначала поесть, а уж потом «заниматься моими заботами». Кофе стынет.

Я не стала возражать и позволила Сомову поухаживать за собой. Пока длилась трапеза, Сомов, несмотря на причину нашего знакомства, развлекал меня смешными историями из жизни сибиряков. Оказалось, он родом из далекого сибирского города Иркутска. Занимается там нефтяным бизнесом. Причем абсолютно легальным. По крайней мере, в настоящее время. А вот в молодости, когда был еще никому не известным мальчиком Димой, он мечтал стать моряком и обязательно ходить на ледоколе по необъятным просторам Северного Ледовитого океана. Чтобы уши от мороза пунцовые,

чтобы на носу сосулька, чтобы руки к штурвалу пристывали. А еще мечтал, как в одном из походов айсберг обязательно опрокинет судно. Кругом сплошная ледяная пустыня, белые медведи норвят полакомиться молодым матросиком, а он, Димка, смелый, горячий парень, голыми руками справляется с десятью медведями и на обломках судна спасает от неминуемой гибели всю команду. Десятки матерых морских волков, не в силах сдержать слез радости, качают своего спасителя и обязательно в конце назначают его своим капитаном. И вот он уже, самый молодой из всех существующих на земле капитанов, бороздит ледяные просторы на собственном ледоколе.

Когда завтрак подошел к концу, Сомов, дождавшись ухода официанта, перешел на серьезный тон.

– Теперь о главном. Я хочу, чтобы вы нашли убийцу моей дочери. Каким образом вы будете это делать, меня не волнует. Мне важен результат. И еще мне нужно, чтобы виновник трагедии попал в мои руки. Остальное – не ваша забота. Это главная причина, по которой я обратился к вам.

– Самосуд – дело неблагоприятное, – произнесла я, глядя Сомову в глаза, – но сейчас не об этом. Не будем делить шкуру неубитого медведя. В данный момент меня интересуют все подробности, которыми вы располагаете. О деталях поговорим позже.

– Разумно, – согласился с моими словами Сомов. – Что ж, я готов. С чего лучше начать?

– Начните с биографии. Имя вашей дочери, возраст, где училась, как попала в Тарасов, где работала, с кем общалась. Информации много не бывает. По мере необходимости я буду задавать вопросы.

Сомов достал массивный портсигар, вынул сигарету, жестом предложил мне сделать то же самое. Я вежливо отказалась. Тогда он закурил сам и только после третьей затяжки начал свой рассказ.

Со своей будущей женой, чернобровой и черноглазой красавицей Галиной, Сомов познакомился, когда по воле случая оказался в небольшом украинском селе Давыдка Житомирской области. Гордая красавица хохлушка пленила молодого Сомова своей статью, и он, недолго думая, увез украинскую «гарну дивчину» от родителей в суровый сибирский край. Поначалу жили мирно. Сомов обеспечивал семью финансами, Галина обустроивала быт. Плохо было одно: возраст «молодых» перевалил за тридцать, а детей все не было. Сомов все чаще пропадал неизвестно где, Галина злилась, но поделаться ничем не могла. И вот наконец, когда оба уже и ждать перестали, Галина сообщила мужу радостную новость: в семье ожидается прибавление.

Дочь Сомова появилась на свет, когда ему стукнуло тридцать пять. На семейном совете решено было назвать девочку Олесей. Дочка росла умненькой и послушной. Но, по словам отца, была слишком скромной и чересчур доверчивой. Когда Олесе исполнилось десять лет, дела Сомова резко пошли в

гору. Деньги потекли к нему в руки рекой. Он стал неделями пропадать по делам бизнеса. Укреплению семьи это не способствовало. Галина бунтовала, злилась, устраивала скандалы. Так продолжалось года два. И вот в один прекрасный день Галина собрала вещи и ушла от мужа. К тому времени в родном украинском селе у нее родственников не осталось, поэтому она вместе с дочкой переехала жить к своей дальней родственнице в Тарасов. Тетушка Галины была женщиной одинокой и бездетной, она с радостью приютила родню.

Сомову в то время было не до семьи. Большие деньги требовали больших жертв. Поначалу он пытался поддерживать связь с женой и дочкой, но гордая Галина налаживать отношения не собиралась и любую помощь Сомова категорически отвергала. В итоге на много лет связь с семьей у Сомова была прервана.

Когда Олесе исполнилось двадцать два, она сама разыскала Сомова. Сообщила, что Галина умерла от сердечного приступа, и попросила помочь с похоронами. Сомов примчался в Тарасов, устроил бывшей жене пышные похороны и предложил Олесе переехать к нему в Иркутск. Девушка вежливо, но настойчиво отказалась. К тому времени она окончила Тарасовский педагогический Институт и работала в школе учителем биологии. Характер дочери за годы, проведенные без отца, не изменился. Она по-прежнему была слишком скромной и застенчивой. По этой причине ей было тяжело менять свои привычки и срывать с насиженного места.

Настаивать Сомов не стал. Купил дочери шикарную двушку недалеко от ее работы, снабдил деньгами и, попросив держать с ним связь, вернулся в Иркутск.

С тех пор они стали регулярно созваниваться, изредка Сомов приезжал проведать дочь, время от времени помогал ей материально. В этом вопросе Олеся оказалась такой же принципиальной, как ее мать. Больших денег от отца она не принимала, довольствовалась тем, что зарабатывала учительством. Лишь по большим праздникам Сомову удавалось всучить Олесе более дорогие подарки, да в случае крайней нужды дочь сама просила отца о помощи.

Месяца три назад ситуация немного изменилась. Дочь позвонила Сомову и попросила ссудить ей немного денег. Сказала, что решила всерьез заняться своим здоровьем, а также приобрести в квартиру кое-что из мебели. С такой просьбой Олеся обратилась впервые, и хоть Сомов и был в первый момент удивлен, но, естественно, дочери не отказал. Выслав на ее имя внушительную сумму, приготовился выслушать от нее ставшие привычными заверения в том, что она в таких деньгах не нуждается. Однако на этот раз Олеся, позвонив, просто поблагодарила отца за помощь. Воодушевленный таким поворотом событий, в следующем месяце Сомов снова выслал дочери щедрое содержание. Олеся снова не отказалась. Сомов решил, что ей надоело считать копейки от зарплаты до зарплаты и теперь он сможет обеспечить ей достойное существование. Недели две назад Сомов решил

увеличить сумму, высылаемую дочери. Олеся позвонила радостная, сообщила о том, что получила деньги и собирается приобрести недорогой подержанный автомобиль. Сомов поинтересовался, умеет ли Олеся водить машину. В ответ услышал, что она планирует во время летних каникул пойти учиться в автошколу. Сомов был искренне рад за дочь. Честно признаться, ему был не совсем понятен образ ее жизни. Девушка была замкнутая, ничем особо не интересовалась, кроме своей работы, никогда никуда не ездила и ни разу за все время общения с отцом не упоминала о том, что у нее есть хоть какие-то планы на будущее. Сомов сказал Олеся, чтобы она забыла о покупке рухляди на колесах, пообещав приехать к ней в июне и отвести ее в автосалон для того, чтобы дочь могла выбрать себе нормальный автомобиль. Ему, мол, так будет спокойнее. Дочь на удивление быстро согласилась. Они поболтали еще некоторое время о всяких пустяках и стали прощаться. На прощание Олеся сказала: «Ты самый лучший, папа! Я тебя очень люблю! Спасибо, что ты у меня есть» и отключилась. Пожалуй, это был первый раз, когда Олеся вот так открыто выражала отцу свои чувства. Он же оказался и последним.

Дня через два Сомов позвонил дочери, чтобы просто пообщаться. Телефон Олеся не отвечал. Решив подождать, пока она вернется с работы и сама перезвонит ему, Сомов погрузился в текущие дела. До вечера дочь так и не позвонила, ее телефон по-прежнему не отвечал. Сомов забеспокоился.

Раньше Олеся всегда перезванивала ему, как только обнаруживала пропущенный вызов. Теперь же пропущенных звонков было не меньше пятнадцати, а от Олеси ни ответа, ни приветов. Сомов разыскал номер телефона директора школы, в которой работала дочь, и, связавшись с ним, выяснил, что Олеси на работе сегодня не было и она не предупредила о том, что будет отсутствовать. Директор отправил домой к Олесе ее коллегу, но дома девушки тоже не оказалось. После таких новостей Сомов забеспокоился всерьез. Первым же авиарейсом он вылетел в Тарасов.

На место Сомов прибыл в шесть часов утра. Приехал на квартиру к дочери. Открыв дверь своим ключом, он осмотрел все помещения. В квартире Олеси не было. Ничего подозрительного там также не обнаружилось. В комнатах был порядок, на кухне в холодильнике лежали продукты. Посуда, тщательно вымытая, стояла по своим местам. Тогда он стал обзванивать все местные больницы. Безрезультатно. С тяжелым сердцем Сомов покинул квартиру дочери и отправился в городское управление полиции. Позвонив нужным людям, нажав на нужные рычаги, в девять утра он стоял в помещении морга при ГУ МВД и смотрел на тело своей дочери. Сомнений быть не могло: это его дочь лежала сейчас на каталке, накрытая простыней.

Подробности Сомов узнал уже от следователя, ведущего дело об убийстве его дочери. В шесть часов утра тринадцатого мая, как раз в тот день, когда Сомов безуспешно пытал-

ся дозвониться до своей дочери, тело Олеси Сомовой было найдено в здании Центрального исторического музея мировых искусств города Тарасова. Девушка была задушена собственным шарфом. Других следов насилия эксперты не обнаружили. Смерть наступила не более пяти часов назад. По подозрению в убийстве был задержан сторож музея.

– Пожалуй, это все, что мне известно, – закончил свое повествование Сомов.

– Какие улики указывают на обвиняемого, вы не знаете? – спросила я.

– Да какие там улики! – в сердцах воскликнул Сомов. – Схватили первого попавшегося пьянчужку и навесили на него все грехи. С момента смерти моей дочери прошло уже десять дней, а следствие все топчется на месте. Выбивают признание из алкаша. А мне нужен настоящий убийца, понимаете?

– Понимаю. – Я помедлила, потом продолжила: – В ходе расследования могут открыться непредвиденные факты, в том числе из биографии вашей дочери, вы готовы к этому?

– Не думаю, что вы накопаете какой-либо компромат на Олесю.

– Так думают практически все мои клиенты, однако жизнь частенько преподносит нам неожиданные сюрпризы. Прежде чем я соглашусь работать на вас, вы должны уяснить: я работаю до тех пор, пока в деле не будет полной ясности. И добиваюсь правды, какой бы горькой она ни была.

– Довольно лирики. – Сомов вдруг разозлился. – Предлагаю такой расклад: я даю вам месяц. Это время я пробуду в Тарасове. С моей стороны вы получите любую, повторяю, любую помощь. Можете обращаться ко мне хоть по сто раз на день. А для того чтобы вы всерьез заинтересовались этим делом, предлагаю вот что: если в течение месяца вы найдете убийцу моей дочери, я плачу вам круглую сумму. Если же по истечении срока вы не сможете предоставить мне имя убийцы, опираясь на неопровержимые доказательства, то мы расстаемся. За отсутствие результата я платить не намерен. Думаю, такая сумма вас устроит?

С этими словами Сомов вынул из нагрудного кармана блокнот, вырвал из него листок и что-то нацарапал на нем. Закончив свои манипуляции, он протянул листок мне. Я посмотрела на цифры. Они впечатляли. Признаюсь, за свои услуги я просила немало, но даже по самым приблизительным подсчетам сумма, предложенная Сомовым, раз в десять превышала мой обычный гонорар.

– По рукам, – сказала я.

Мужчина удовлетворенно крякнул. После этого я задала ему еще несколько вопросов, и мы расстались, обменявшись номерами телефонов.

Спустя час я сидела в кабинете директора музея и выслу-

шивала его разглагольствования на тему вреда алкоголя.

– Вот ведь сколько уже раз собирался выгнать взащей Михаила. И почему я не сделал этого раньше! А все моя доброта. Думал: пропадет совсем человек. А теперь расплачиваюсь за свое мягкосердие. Да ведь никто и предположить такого не мог! По своей сути Михаил абсолютно безобидный. Если бы не водка, ему цены бы не было. А тут вон как дело обернулось. Видно, совсем допился мужик, раз до преступления дошел.

– Скажите, Михаил Воронков раньше проявлял агрессивность в пьяном виде? – Мне едва удалось вставить слово в поток красноречия директора.

– Не могу вам сказать. Прежде Воронков не появлялся в музее даже в легком подпитии. Он всегда пил только вне работы. Данный случай – исключение из правил. Да, раньше бывало, что он не появлялся на работе целую неделю, но когда возвращался, всегда был уже в норме. Остальные сторожа подменяли Воронкова. Чаще всех Петр Семенович Карагодин. Знаете, ведь Мишка мог по полгода спиртного в рот не брать. А потом вдруг срывался и уже неделю остановиться не мог. Мужики, я имею в виду сторожей, жалели Мишку и всегда были готовы его подменить.

– По поводу пьянства Воронкова мне все понятно, – прервала я директора. – Сейчас мне хотелось бы осмотреть место преступления и пообщаться со служащими музея. Может быть, удастся выяснить, каким боком убитая связана с

вашим музеем.

– Следователи уже беседовали со всеми служащими, – поспешил заверить меня директор. – Эта женщина никому из них не была знакома. Видимо, она приятельница Воронкова. Другого объяснения ее появления в стенах нашего заведения я не нахожу.

– Иван Андреевич, – обратилась я к директору по имени-отчеству, – предоставьте мне решать, какое объяснение является правильным.

– Да, да, конечно. Пойдемте, я провожу вас в южное крыло здания, в котором и произошла трагедия.

Представив, как Иван Андреевич еще битый час ходит за мной по пятам и комментирует каждое мое движение, я поспешила избавиться от его общества, предложив дать мне для сопровождения кого-то из сотрудников музея. К моей великой радости, директор согласился.

– Приставлю-ка я к вам Майечку, – оживившись, предложил Иван Андреевич, – она девушка расторопная. И проводит, и покажет, и все, что вам нужно, расскажет.

Он нажал кнопку селектора, и мы погрузились в ожидание. Только после третьего звонка на пороге кабинета Ивана Андреевича появилась молодая, улыбающаяся девушка.

– Майечка, вот госпожа Иванова желает осмотреть место, где была обнаружена женщина, – поспешно представил меня директор. – Прошу вас, проводите ее и расскажите все, о чем она будет спрашивать.

– Конечно, Иван Андреевич. Как скажете, Иван Андреевич, – затараторила Майечка, и я тут же пожалела о своем предложении. По всей видимости, директор был меньшим из зол, подстерегающих меня в музее.

Делать было нечего, и я, смирившись с обстоятельствами, последовала за Майечкой.

Для начала я попросила проводить меня в южное крыло. Осмотр места происшествия нужен был в первую очередь для того, чтобы иметь представление о том, как устроено здание музея. Обнаружить что-либо относящееся к событиям десятидневной давности я не рассчитывала. Затем попросила показать мне комнату охраны и пульты слежения. Я обходила помещение за помещением, а Майечка, не переставая ни на минуту, давала свои комментарии всему, что попадало в поле моего зрения. «Эх, мне бы такого свидетеля», – подумала я про Майечку. Но, к моему глубокому сожалению, по ночам Майечка не работала. Когда осмотр был закончен, девушка обратилась ко мне с вопросом. По всей видимости, он не давал ей покоя на протяжении всего нашего похода.

– Скажите, госпожа Иванова, а детектив – опасная профессия?

Я улыбнулась, отметив про себя обращение, усвоенное Майечкой от своего шефа.

– Смотря как работать. Если вы собираетесь расследовать дела только о неверных мужьях и женах, то ничуть. А вот если вы планируете помогать людям добиваться правды, то

без риска тут не обойтись.

– Ой, как интересно! А я вот целыми днями в запасниках торчу! Скука смертная. Может, я не ту профессию выбрала?

– И такое бывает. Если для вас здесь скука, то лучше, пока не поздно, поменять профессию. Скажите, что вы думаете обо всей этой ситуации? – направила я мысли девушки в интересующее меня русло.

– А что тут думать. Напился Мишка, вызвал свою подружку в музей. Еще добавили. А потом, как водится, что-то не поделили. Мишка спьяну и задушил ее. Жалко, конечно, дурака. Но и девушку тоже жалко. Она небось еще и влюблена в него была.

– Почему вы так решили? – поинтересовалась я.

– Так ведь если бы не любила, разве потащилась бы среди ночи к этому балбесу?

– Вероятно, нет.

– Вот и я так думаю, – закончила Майечка.

Она проводила меня обратно до кабинета директора. Войдя, я застала Ивана Андреевича за телефонным разговором. Я стала ждать окончания беседы. Как только Иван Андреевич положил трубку, я обратилась к нему:

– Иван Андреевич, не могли бы вы подсказать мне, с кем из сотрудников музея общался Воронков?

– Да он практически ни с кем не общался. Пришел, «пост сдал, пост принял!» – и по своим делам.

– Жаль, – искренне посочувствовала я.

– Но если вы хотите поговорить с очевидцем недавних событий, тогда вам лучше всего встретиться с Петром Семеновичем. Это он обнаружил пьяного Воронкова, а впоследствии и погибшую женщину.

– Где я могу его найти?

– В музее он появится только завтра, сегодня смена не его. Но я дам вам номер телефона Петра Семеновича.

– Большое спасибо, – поблагодарила я.

Иван Андреевич достал записную книжку, полистав, нашел нужный номер, выписал цифры на листок и протянул его мне. На этом мы расстались.

Выйдя на свежий воздух, я решила прогуляться, а заодно назначить встречу с Петром Семеновичем. Я неторопливо шла по парку, расположенному вблизи Исторического музея, и слушала длинные гудки в трубке. Мой абонент был недоступен. Что ж, попробую дозвониться попозже. Я убрала телефон в карман. Вдруг мое внимание привлекло оживленное движение в конце парка. Я приостановилась, чтобы лучше рассмотреть происходящее.

– Стой, зараза, – услышала я резкий женский голос.

Того, кто, по мнению женщины, должен был стоять, видно пока не было. Обзор закрывали деревья, обильно растущие в дальней части парка. А женщина продолжала надрываться.

– Караул, лови его! – призывала она окружающих принять участие в погоне. Сама же обладательница луженой глотки почему-то срываться с места не спешила. Зато теперь в поле моего зрения появился беглец. Это был подросток лет пятнадцати, невысокого роста, щуплого телосложения, в спортивных брюках, черной ветровке с капюшоном, натянутым на голову до самых глаз, и в дешевых стоптанных кроссовках. В руках парнишки была зажата дамская сумочка-клатч красного цвета. Охотник за женскими сумочками вилял между деревьями, как маркитантская лодка среди океанских волн. Подросток находился на приличном расстоянии от меня. Больше в парке никого не было. Оценив ситуацию, я не стала спешить. Пусть беглец думает, что с моей стороны опасность ему не угрожает. Я медленно отвернулась и сделала вид, что собираюсь покинуть территорию парка. Женщина заголосила еще громче, почему-то перейдя на устаревший деревенский стиль.

– Люди до-о-о-обрые! Да чавой-то это деется! Добрых людей грабют, да посередь бела-то дня!

Скосив глаза, я обнаружила, что беглец почти поравнялся со мной. Выждав для верности еще пару минут, я резко свернула с центральной дороги на боковую тропинку и помчалась наперерез грабителю. Раскусив мой маневр, парень почему-то замахал руками и бросился в обратную сторону. Я припустила за ним. Бежать в ботильонах, снабженных высокими каблуками, было весьма некомфортно, но оставить

женщину в беде я не могла. До цели оставалось каких-то десять метров. Несмотря на юный возраст, бегал парень отвратительно. Я была уверена, что никуда он от меня не денется. Обогнув очередное дерево, я налетела на живое препятствие. На моем пути встала огромная собака, породу которой я определить не смогла. Внушительные размеры, бело-черный окрас. Мощные лапы упираются в грунт с такой силой, что оставляют в земле глубокие вмятины. Широкая морда на уровне моего живота, из кровожадной пасти течет слюна. Она приняла агрессивную стойку. От неожиданности я не сразу смогла остановиться. Пытаясь предотвратить столкновение, я изо всех сил рванула в сторону, одновременно оттолкнувшись руками от соседнего дерева. Пес проделал тот же самый трюк, только от дерева отталкиваться не стал. Каблуки моих ботильонов запутались в прошлогодних пожухлых листьях, и я, как в замедленном кино, стала опускаться прямо на спину псине. Краем глаза я увидела, что ко мне с противоположных сторон несутся два человека: горластая женщина и ее обидчик, грабитель-подросток. Я еще успела удивиться странному поведению этих двоих, но в следующее мгновение, перелетев через массивную тушу пса, я со всего маху ударилась головой о дерево и отключилась.

Очнувшись, я обнаружила, что лежу на парковой скамейке. Под голову мне услужливо подложена черная ветровка грабителя. Женщина, обладательница луженой глотки, участливо склонилась надо мной и обтирает мое лицо плат-

ком, который периодически смачивает минералкой. Грабитель держит за ошейник виновника трагедии и успокаивающе поглаживает его по холке. Пес с виноватым видом сидит у моего изголовья и изредка поскуливает.

Заметив, что я открыла глаза, женщина, на этот раз радостно, заголосила:

– Очухалась! Вот и славно. Как голова, болит? Не мудро. Вон как вы ею приложились. Звук был, скажу я вам! Мы с Митяем думали – напополам раскололась. Уж и «Скорую» вызвали. Да только их пока дожدهшься, или помрешь, или сам выздоровеешь. Вон Митяй за минералкой в ларек сбегал, я вам личико умыла, вы и очухались.

Митяй приветливо улыбался, глядя мне в глаза. Я все еще ничего не понимала. Голова изрядно кружилась, место удара ломило, но не сильно. Я попыталась сесть. Митяй кинулся мне помогать, поддерживая под локоть, усадил меня на скамейке, набросив на плечи свою ветровку.

– Что происходит? – задала я вопрос.

Поняв, что я имею в виду, женщина смущенно заулыбалась, а потом заговорила:

– Да это все Митяй, придумщик! Племянник он мой. Друг его в Германию жить уехал, а пес его в Тарасове остался. Вот он Митяю его и подарил. А Митяй решил, что Бустера, это кличка пса, нужно срочно дрессировать. Ну, мы в парк и пошли. На репетицию. А тут вы! Кто ж знал, что в наши дни еще такие отзывчивые люди сохранились.

– Ну, вы даете! – искренне поразилась я. – Разве можно на человеческих чувствах играть!

– Да ведь говорю вам, никто и внимания на мои вопли не обращает. Мы уж две недели в этом парке Бустера дрессируем. За все это время вы первая так отреагировали. Простите уж нас. А мы в следующий раз что попроще придумаем. Чтоб людей не смущать. Обещаю.

– С одним условием. – Я сделала вид, что все еще сердита на женщину.

– Да что угодно, – притворно-ласково пропела та, а у самой взгляд забегал.

Видно, подумала, что, для того чтобы замять инцидент, я, по старой русской традиции, потребую с них отступные.

– Порода пса, – все еще строгим тоном произнесла я.

– Порода? – переспросила женщина, а парнишка, засмеявшись, ответил:

– Амстафтерьер. Это бойцовая порода собак. Довольно редкая и жутко дорогая. Бустер – славный пес, только очень пугливый. Вы когда перед ним появились, он от неожиданности все команды забыл. Я ему свистом команду подал «домой», а он от вас шарахаться начал. Под ноги к вам попал. Тоже небось страху натерпелся!

Бустер слушал оправдания хозяина с озабоченным видом. Я протянула руку и потрепала пса по холке. Довольный, что его простили, Бустер лизнул мою руку и помчался по аллеям парка. Митяй бежал за ним, еле удерживая в руках поводок.

Его тетушка, раскланявшись, пошла следом.

Я еще немного посидела на скамейке. Окончательно придя в себя, я вынула телефон и вызвала такси. Ходить пешком мне как-то расхотелось.

Добравшись до дома, я первым делом проверила наличие горячей воды в кране. Последнее время работники ЖКХ не баловали жильцов нашего дома благами цивилизации. Отключали все по очереди: то свет, то лифт на ремонт поставят, то водоснабжение приостановят. Прямо апокалипсис в отдельно взятом жилом доме!

Сегодня в череде непредвиденных ремонтных работ образовался перерыв. Все коммуникации были в исправности, и я, наполнив ванну ароматной пеной, с наслаждением погрузилась в горячую воду, смывая с себя воспоминания о неудачной попытке спасения отдельных представителей человечества.

Через тридцать минут релаксационных водных процедур я, соорудив на голове тюрбан из полотенца, прошествовала на кухню, приготовила себе хорошую порцию кофе и, устроившись перед монитором компьютера, принялась изучать новости по делу об убийстве в местном музее.

Информации было немного. Местные газеты скудно освещали это событие. В основном писали то, что мне было уже

известно. Ранним утром один из сторожей местного Центрального исторического музея мировых искусств обнаружил в одном из помещений тело молодой женщины. Женщина была задушена собственным шарфом. При убитой не было найдено никаких документов. Телефон отсутствовал. В сумочке женщины находились лишь обычные мелочи, которые никоим образом не могли помочь в определении личности погибшей. Приехавшая на место происшествия следственная бригада задержала по подозрению в причастности к убийству второго сторожа музея. Мужчина находился в состоянии сильного алкогольного опьянения. На все вопросы следователя отвечал односложно, свою вину отрицал полностью. Журналисты давали приметы женщины и обращались к жителям города с просьбой всем, кто имеет информацию о пострадавшей, звонить по нижеперечисленным телефонам.

Более поздняя информация в прессе отсутствовала. Чувствовалось влияние Сомова. Видимо, отец Олеси решил, что оглашение имени дочери в криминальной хронике ему ни к чему. Единственное, что мне удалось выудить из прочитанных сообщений, это имя следователя, которому было поручено вести дело. При встрече с Сомовым до этого как-то разговор не дошел. Имя капитана Скворцова мне известно не было. Но это не беда. Думаю, завтра с утра мне предстоит лично познакомиться с капитаном и задать ему ряд неприятных вопросов.

Вспомнив о том, что так и не дозвонилась до сторожа

Карагодина, я потянулась к телефону. Набрал номер, стала ждать. На этот раз Петр Семенович ответил почти сразу.

– Слушаю, Карагодин, – услышала я четкий мужской голос.

– Петр Семенович? – на всякий случай уточнила я.

– Он самый, – услышала в ответ.

– Вас беспокоит детектив Иванова Татьяна Александровна. Я веду расследование убийства Олеси Сомовой, которое произошло в вашем музее. Могли бы мы с вами встретиться? Мне нужно задать вам несколько вопросов.

– Прежде чем ответить, хотелось бы знать, чьи интересы вы представляете, – задал вопрос Карагодин.

– Меня нанял отец погибшей, Дмитрий Павлович Сомов, – сообщила я сторожу.

– Понятно, – произнес Петр Семенович.

– Так могу я рассчитывать на вашу помощь? – повторила я просьбу.

– Конечно, можете. С утра я, к сожалению, занят. Сердце, знаете ли, последнее время пошаливает. Так я на процедуры записался. Но вечером я выхожу на дежурство. Если вам удобно, мы могли бы встретиться перед дежурством. Часиков в пять вас устроит? К семи мне в музей. Думаю, до этого времени мы вполне успеем обсудить все вопросы.

Назначив место встречи, мы попрощались.

После этого я некоторое время занималась домашними делами. Нужно было вернуть в прежнее состояние свой гар-

дероб. Ведь утро у меня проходило в бурных сборах, и теперь в шкафу творилось что-то невообразимое. Включив радио и настроив его на сентиментальную волну, я принялась за дело. Провозилась довольно долго. Наконец последнее платье было водворено на его законное место, и я с чувством выполненного долга отправилась спать.

Уже лежа в постели, прокручивала события прошедшего дня. Перед моим мысленным взором одно за другим проходили лица людей, встреченных за день. Как-то повернутся события завтра? Может, испытать возможности «костей»?

Я выбралась из-под одеяла, высыпала на ладонь горстку кубиков, как следует потрясла их между ладонями и бросила на стол. «1+21+25». Результат оказался неожиданным. Спорить с утверждением, которое обозначали выпавшие цифры, я не собиралась. А они гласили: «Уменьшение ваших доходов связано с помощью другим людям». Интересно, кому же мне придется помогать материально в ближайшее время. На настоящий момент я, наоборот, сэкономила на покупке вечернего платья, которое собиралась приобрести до того, как Сомов нарушил своим появлением мои планы. Может быть, сосед опять придет в долг просить?

Месяца четыре назад у меня появились новые соседи. Квартира напротив пустовала года два с половиной, а теперь двери этой квартиры закрываются разве только на ночь, да и то не всегда. Тоби и Рона – люди весьма общительные. За то время, что они живут в нашем подъезде, их посетили, по

самым скромным подсчетам, миллиарда два жителей нашей планеты. Откуда взялись их странные имена, сказать сложно. Одно я знаю точно: едят они очень много. Почти каждое мое утро начинается с того, что квартира наполняется переливами дверного звонка. И не прекращается перезвон до тех пор, пока я не доберусь до двери и не впущу в свое уютное гнездышко вражеского лазутчика в лице соседки Роны. А дальше как повезет. Если то, за чем пришла на этот раз Рона, имеется в наличии, то я относительно быстро смогу от нее избавиться. А вот если в моем арсенале искомый продукт отсутствует, то покоя я не увижу, пока не удовлетворю потребностей настырной соседки. Предугадать, какого ингредиента для приготовления завтрака неостанет Роне в следующий раз, невозможно. Так как, в отличие от нормальных людей, в завтраках семья Роны ценит исключительно разнообразие.

С завидным постоянством посещает мою квартиру и Тоби. Но если жена любит утренние визиты, то Тоби предпочитает появляться по вечерам. А причина вполне банальная. Второй отличительной особенностью этого семейства является хроническая нехватка материальных средств. Да и как может быть иначе, если ни один из членов сумасшедшей семейки не работает. Так вот Тоби считает, что в моем лице он обрел для семьи стабильный доход. Поначалу, действуя по принципу «хочешь потерять друга, дай ему займы», я одалживала Тоби охотно. Но потом поняла, что в случае с моим соседом принцип не действует. Как бы ни был высок счет, ис-

чезать сосед не намеревался. Так что вполне возможно, что именно об этом «уменьшении доходов» предупреждают меня кости. А кто предупрежден, как говорится, тот вооружен. Завтра Тоби ничего не светит.

Глава 3

Если поставить перед собой цель в двух словах описать утро следующего дня, то результат будет примерно следующий: «вавилонское столпотворение» или, если говорить проще, «дурдом на выезде».

Не успела я открыть глаза, как дверной звонок возвестил о приходе гостей. Ожидая увидеть на пороге своих «обожаемых» соседей, я не стала спешить. Поднявшись с постели, накинула халат, прошла в ванную комнату и приготовилась заняться водными процедурами. Там меня ждало разочарование: воды в кране не оказалось. Ни холодной, ни горячей. Покрутив для верности оба крана, я вернулась в комнату. К переливам звонка прибавился стук в дверь. Настойчивые визитеры сдаваться не собирались. «Не буду открывать, – решила я, – пусть убираются восвояси!» Заглянув на кухню, зачем-то и здесь покрутила краны. Ничего нового не обнаружила. Как и должно быть, в кухне воды тоже не оказалось. В дверь замолотили уже ногами, а кнопку дверного звонка даже отпускать перестали. «Вот ведь настырные, – разозлилась я, – ну, сейчас я вам устрою! На всю жизнь отважу от привычки врываться к соседям ни свет ни заря!» С самым решительным настроем я прошествовала к двери.

– Врачи психдиспансера уже выехали, – заорала я что есть мочи и резко распахнула дверь.

Картина, открывшаяся моему взору, превзошла все ожидания. Конечно, я не ошиблась, и ранними гостями были именно Тоби и Рона. Но их внешний вид! Оба в полосатых сине-красных балахонах, волосы растрепаны, лица в саже, с балахонов ручьями стекает вода! А запах! Как из преисподней. Все это я разглядела за несколько секунд, а мои визитеры в этот момент наперебой орали нечленораздельные фразы:

– Телефон... Давай звони... Воду... Как полых... Да заткнись... Надо скорее...

– Стоп! – громко произнесла я и обратилась к Роне: – Четко и внятно, что случилось?

– Там... Денежная сфера... Должна сама до конца... А тут вот...

Я поняла, что Рона не самый лучший источник информации в это утро, и обратилась с тем же вопросом, но уже к Тоби:

– Что стряслось? Ты можешь объяснить? Видок у вас тот еще!

В случае с Тоби повествование вышло ничуть не внятнее.

– Да вот... В полнолуние, видно... А нужно-то на восходящей луне...

Не знаю, чем бы вся эта история закончилась, только мне надоело слушать их бляение, и я направилась в квартиру напротив с четким намерением выяснить причину необычного поведения соседей. Мои намерения странным образом по-

действовали на супругов, и они синхронно закричали мне вслед:

– Пожар!!! Горим!!!

В этот момент я как раз поравнялась с дверью соседей и уже взялась за ручку. От резкого крика я вздрогнула. Ручка непроизвольно дернулась. Дверь распахнулась, и меня обдало облаком удушающего дыма и раскаленного воздуха. В проеме я успела разглядеть оранжевые языки пламени и, мгновенно захлопнув металлическую дверь, рванула к телефону.

Одной рукой набирая номер пожарной охраны, второй я машинально подталкивала соседей к выходу из моей квартиры. Тоби и Рона понуро стояли в коридоре и ждали результатов звонка. Соединение никак не устанавливалось. Я бросила сотовый и набрала «01» на стационарном. Оказавшись в комнате, схватила сумку, резко бросилась к ящику с документами. Быстро сгребла документы, прихватила замшевый мешочек с моими верными помощниками «числовыми костями», сунула туда же деньги. В этот момент на другом конце провода сняли трубку.

– Пожар в квартире жилого дома. – Я назвала адрес и фамилию хозяев. – Площадь возгорания неизвестна. Хозяева квартиры не пострадали. Дверь металлическая, но замок открыт. На лестничный проем огонь пока не вышел, но дым уже просачивается.

Диспетчер пожарной службы заверила меня, что пожар-

ный расчет выезжает, и посоветовала освободить помещение и дожидаться приезда пожарных на улице. Это я и сама понимала. С огнем шутки плохи, а с дымом и подавно. Забежав в ванную комнату, я наскоро натянула на себя вчерашнюю одежду, по счастью оставшуюся там с вечера.

Сунув ноги в кроссовки, выглянула на лестничную клетку. Мимо моей квартиры как раз пробежал мужчина, квартира которого находилась прямо над квартирой Тоби и Роны. Я успела схватить его за рукав.

– В квартире Роны пожар, – сообщила я ему.

– В смысле? – Мужчина тупо уставился на меня.

– В прямом! Огонь, языки пламени, горит мебель и другое имущество, – видя, что до соседа не доходит, расшифровала я.

– Какой ужас! – вскрикнул сосед, сообразив, чем данный инцидент грозит ему лично, и рванул обратно в квартиру.

– Нужно предупредить всех соседей, – кричала я ему вдогонку.

Но хозяин квартиры, которой грозила самая что ни на есть реальная опасность, меньше всего был расположен думать о других жильцах дома и их безопасности. Я не удивилась. Как-никак, а своя рубашка всегда оказывается к телу ближе. Поняв, что с этой стороны помощи не предвидится, я обернулась к погорельцам. Полосатые хламиды, надетые на них, доверия, правда, не внушают, но альтернативы никакой. Придется использовать их в качестве дурных вестников.

– Значит, так, – заявила я. – Тоби, ты бежишь на верхние этажи. Звонишь во все подряд квартиры. Сообщаешь о пожаре и предупреждаешь, что необходимо срочно эвакуироваться.

– Чего? – Глаза Тоби полезли на лоб.

– Не «чего», а покинуть здание. Понял?

Тоби яростно затряс головой. Судя по жесту, выполнять мои распоряжения он отказывался.

– Тоби, так надо! Мы с Роной начнем спускаться вниз. Будем оповещать о пожаре соседей снизу. Как только ты обойдешь все квартиры, ты тоже спустишься во двор. Только не на лифте, – предупредила я на случай, если Тоби не знаком с правилами поведения при пожаре. Глядя на него, это легко было предположить.

– Ну что, двинулись! – Я взяла в руки сумку и шагнула в коридор.

И тут же оказалась снова в квартире. Да еще и за закрытой дверью! Четыре пары рук тянули меня из коридора в комнату.

– Вы что, рехнулись? – завопила я. – Отпустите мои рукава! Прекратите сейчас же! Да остановитесь вы наконец.

Мои полоумные соседи выполнили просьбу только после того, как дотащили меня до центра комнаты. После этого они закрыли и комнатную дверь и встали, прислонившись к ней спиной.

– Вы ненормальные, – произнесла я. – В доме пожар, огонь

может распространиться и на лестничную клетку! Тогда мы уже не сумеем выбраться! Чем быстрее мы уберемся отсюда, тем лучше для нас, – увещевала я соседей.

Тоби и Рона не шелохнулись.

– Сгореть хотите? Пожарные могут приехать еще не скоро, – возобновила я попытки призвать к их разуму.

Ответа не последовало. Рона просто закрыла глаза, а Тоби, виновато посмотрев на закрытую дверь, изрек:

– Сейчас нельзя выходить на улицу. Только после того, как само потухнет.

– Что «само потухнет», идиот! – разозлилась я. – У тебя квартира полна огня. Такой пожар сам собой не закончится!

– Да там только свечка горит. И сфера крутится. А пока она крутится, нужно оставаться в помещении, а то все деньги уйдут.

– Какие деньги, кретин! Все твои деньги давно в пепел превратились, если, конечно, они у тебя вообще когда-нибудь были.

– Нет, денежная воронка еще не закрылась. Я это чувствую. Надо подождать.

Я поняла, что уговоры бесполезны. Что бы ни нафантазировали себе эти двое, ничто не заставит их покинуть здание. «Спокойно, Таня. С умалишенными нужно действовать хитростью». В моей голове сложился план. Я многозначительно посмотрела на Рону, перевела взгляд на ее мужа и изрекла:

– Вижу! Воронка закрывается. Сфера остановила свое

кружение. – Запрокинув голову к потолку, я в притворном экстазе продолжала сочинять на ходу: – Огонь затухает, он почти погас. Да, пламя потухло, все!

Произнося этот бред, я через прикрытые веки наблюдаю за парочкой. Они переглянулись. Тоби приоткрыл дверь, прислушался. Рона сказала:

– Надо посмотреть.

Воспользовавшись моментом, я подошла к двери и со словами «пойду проверю» выскользнула из квартиры. Оказавшись на свободе, я со всех ног помчалась вниз. Добежав до первого этажа, поняла, что меня никто не преследует. Вышла из подъезда я уже спокойным шагом. Как раз в этот момент к подъезду подкатила пожарная машина. Из нее выскочил пожарный расчет. Увидев меня, один из расчета крикнул:

– Давно горит?

– С полчаса уже, – крикнула я в ответ.

Подняв вверх голову, я увидела языки пламени, вырывающиеся наружу из квартиры на седьмом этаже. У подъезда уже была толпа зевак. Жильцы дома стояли отдельной сиротливой кучкой. Присоединившись к ним, я стала наблюдать за слаженной работой пожарных.

Через два часа упорной борьбы с огнем пожарные одержали победу над стихией, и жильцы дома начали расходиться по своим квартирам. Я последовала их примеру. Добравшись до своего этажа, я обнаружила возле своей двери одного из пожарных. Он давил на кнопку звонка и прислушивал-

ся к звукам за дверь. Только сейчас я вспомнила, что виновники пожара остались в моей квартире. Я остановилась, решая, как поступить. Пожарный оглянулся, заметил меня и, отойдя от двери на два шага, обратился ко мне с вопросом:

– Вы хозяйка этой квартиры?

– Допустим, – ответила я. – Какие-то проблемы?

– У вас – нет, а вот у ваших соседей их целая куча.

– Но ведь пожар потушили. – Я решила прощупать почву. – Ремонт, конечно, дело дорогостоящее, но были бы деньги, все остальное – дело наживное.

– Боюсь, им теперь лет двести наживать придется, – засмеявшись, ответил пожарный.

– Это почему же? – поинтересовалась я.

– А вы как думали. Пожар произошел по вине жильцов, это и без заключения экспертов понятно. Выходит, ремонт они за свой счет делать будут. Это – раз. Соседей до четвертого этажа залили. Они за свой ремонт с них денежки сдерут. Это – два. Тех, кто сверху живет, – закоптили. Значит, и им ремонт за счет погорельцев. Это – три. Да за нашу работу тоже им платить. Это – четыре. А еще штраф за нарушение противопожарной безопасности. Это уже пять. Вот и считайте, красавица! Двести лет – это еще оптимистический прогноз. Тут жильцы болтали, что хозяева не фанаты трудовой повинности. В таком случае и в тюрьму упечь могут. Вы, случаем, не знаете, где погорельцев искать?

– Понятия не имею, – почему-то соврала я.

– Жаль, – посетовал разговорчивый пожарный, – ну, да это не моя забота. Мое дело огонь тушить. Пусть с ними участковый разбирается.

И пожарный, кивнув мне на прощание, начал быстро спускаться по лестнице. Я смотрела ему вслед и не двигалась с места, пока шаги не затихли. После этого я открыла дверь и вошла в свою квартиру.

Дверь в комнату была открыта. В ней никого не обнаружилось. Я прошла на кухню. Там соседей тоже не наблюдалось. Решив, что погорельцы улизнули, пока я была внизу, я обрадовалась. Одной проблемой меньше. Не придется нянчиться с ними. Тем более что на этот день у меня были совсем другие планы. До встречи с Карагодиным мне предстояло побеседовать с капитаном Скворцовым и попытаться встретиться с Михаилом Воронковым, подозреваемым по делу об убийстве Олеси Сомовой. Машинально открыв кран, чтобы наполнить полупустой чайник, я вспомнила, что утром воды не было и я даже умыться не смогла. Неплохо бы перед встречей со Скворцовым душ принять. Смыть с себя запах пожара, а заодно и воспоминания о неприятных утренних событиях. Но, увы, оба крана ответили мне дружным шипением и не выдали ни капли воды. Придется обойтись без водных процедур.

Решив позавтракать по дороге в отделение, я направилась в ванну, чтобы хоть немного освежиться, воспользовавшись водным запасом, чудом сохранившимся в чайнике. Я откры-

ла дверь в ванную и едва не выронила чайник с остатками драгоценной влаги. На краю ванны в тесном помещении моего санузла чинно расположились Тоби и Рона собственной персоной! Ну не утро, а какая-то нескончаемая череда сюрпризов!

– Отдыхаете? – вопрошающе произнесла я.

«Гости» смущенно кивнули. Моему терпению пришел конец. Для одного утра впечатлений было более чем достаточно. Пора с этим заканчивать.

– Боюсь вас потревожить, – язвительно произнесла я, – но не могли бы вы избавить меня от своего присутствия?

Погорельцы одновременно поднялись с края ванны, потоптались на месте и гуськом выбрались из своего убежища. Рассчитывая, что погорельцы отправятся восвояси, я не стала их провожать. И напрасно! Тоби и Рона прошли напрямиком в комнату. Пришлось популярно объяснить соседям, чего же я от них жду.

– В общем, так, друзья мои. Пожар потушен, и вам больше незачем оставаться в моей квартире. Времени у меня в обрез, поэтому потрудитесь очистить помещение. Я и так потратила на вас все утро.

Однако соседи выметаться не спешили. Усевшись на диван, Тоби скороговоркой заговорил:

– А идти нам, собственно, некуда. Квартира-то сгорела. Другой нет.

– И одежды нет, – внесла свою лепту Рона.

– Ну а я-то тут при чем? – возмутилась я коварством соседей. – У меня своих забот хватает.

– Да ты иди по своим делам, – предложила Рона, – а мы тут сами как-нибудь. Посидим, чаю попьем. Тебя подождем.

– Чудесно, – произнесла я, – может, мне вам и кошелек оставить? Ну, чтобы не скучно было ждать!

– Что ты, Танюша, это вовсе не обязательно, – на полном серьезе ответила Рона.

Ну и что прикажете делать в такой ситуации? Выставить людей на улицу практически в чем мать родила? Пока я раздумывала над создавшейся ситуацией, зазвонил телефон. Я отыскала мобильник. Определитель номера высветил абонента. Сомов. Час от часу не легче! Сейчас потребует отчет, а я, вместо того чтобы заниматься расследованием, торчу в своей квартире в обществе полоумных соседей. Я нажала на кнопку соединения.

– Татьяна, это Сомов, – услышала я знакомый голос. – Как продвигаются дела? Вы уже встречались со сторожем?

– Здравствуйте, Дмитрий Павлович. С Карагодиным я встречаюсь вечером. Пока ничего нового. Как только появится информация, я вам сообщу.

И не дожидаясь новых вопросов, я отключилась.

– Ладно, – обратилась я к новоявленным постояльцам, – пока оставайтесь здесь. Вернусь, будем решать, что с вами делать.

Я в спешном порядке собралась и отправилась на встречу

со Скворцовым.

До отделения полиции я добралась довольно быстро. Обратившись к дежурному, потребовала встречи с капитаном Скворцовым. Дежурный придирчиво осмотрел мое удостоверение, после чего соединился с капитаном.

– Тут к вам детектив рвется, – сообщил он в трубку, – по делу Сомовой.

Выслушав ответ, дежурный положил трубку, вернул мне документ и сказал:

– Второй этаж, третья дверь налево. Капитан ждет вас.

Я сухо поблагодарила и отправилась на поиски нужного кабинета. Поднявшись на второй этаж, прошла по коридору и постучала в третью дверь. Ответа не последовало. Я постучала более настойчиво. Тишина. Оглох он, что ли? Постучав третий раз, я не стала дожидаться приглашения, а толкнула дверь и решительно вошла. Скворцов сидел за столом. Видимо, он не ожидал, что я ввалюсь к нему без приглашения, поэтому не успел убрать с глаз долой миниатюрную шахматную доску, над которой сидел в задумчивости до моего появления.

– Работа кипит? – останавливая взгляд на шахматной доске, спросила я.

– Вы по какому вопросу? – ничуть не смутившись, даже

не глядя в мою сторону, поинтересовался Скворцов.

Он не спеша открыл верхний ящик стола и аккуратно, чтобы не сбить фигуры, убрал шахматы. Только после этого он удостоил меня своим взглядом. Я молча ждала, когда капитан закончит свои манипуляции с фигурами.

– Так по какому, вы сказали, вопросу? – повторил он.

При этом капитан подозрительно втянул носом воздух и поморщился. Сделав вид, что не заметила этого, я спокойно сказала:

– Я не сообщала цели своего визита.

– Так сообщите, – предложил Скворцов. Было видно, что ему ужасно не хочется возиться со мной.

– Детектив Иванова, Татьяна Александровна. – Я протянула капитану удостоверение.

– Детектив, – повторил за мной капитан, забирая документ из моих рук. – Детектив – это интересно.

– Я представляю интересы пострадавшей стороны. Господина Сомова Дмитрия Павловича. Это отец погибшей Олеси Сомовой. Думаю, вам известно это имя.

– К сожалению, известно, – вздохнув, произнес Скворцов. – Так что вы хотите? Подать на меня жалобу? Это к начальству. Правое крыло, первая дверь.

Капитан положил мое удостоверение на край стола и снова потянулся к шахматам. Такой поворот событий меня не устраивал.

– С чего вы взяли, что я пришла жаловаться? – спросила

я, пытаюсь привлечь внимание капитана к своей персоне.

– А разве вы явились не за этим? – Он удивленно посмотрел на меня, снова потянул носом воздух, поводил головой из стороны в сторону и пояснил: – Два дня назад приходил ко мне ваш клиент. Слюной брызгал, стращал, грозился устроить мне счастливую жизнь. Теперь вот вас прислал.

– Я здесь по собственной инициативе, – заверила я капитана, – хотела задать вам кое-какие вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.